Н. В. ТИЩЕНКО
Петрозаводский государственный университет

БЕЗЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Проблема безличных глаголов главным образом связана с особенностями *национального, народного видения мира,* отраженными в грамматических и семантических языковых структурах.

На морфологическом уровне описываемые глаголы выделяются в особую, уникальную, группу потому, что обладают специфическим свойством: у них отсутствует флективная личная парадигма. На синтаксическом уровне они составляют основу безличных предложений, в которых логический субъект выражается не номинативом, а другими субъектными или субъектно-объектными падежами. Семантическая же сторона дела характеризуется тем, что эти глаголы оказываются ограниченными в выражении только определенных значений, присущих только им.

Представляется, что именно прагматико-семантическая сторона является определяющей в отношении выбора словоформы и выбора формальной структуры предложения. Иными словами, неясное представление причин, мотивов действия, состояния, неясное представление субъектно-объектных отношений побуждает говорящего употреблять безличные глаголы или инфинитивные конструкции. (В статье не рассматриваются различные модальные оттенки значений, присущие инфинитивным конструкциям.)

Безличные предложения "по сравнению с личными обозначают состояния, которые навязываются лицу со стороны, помимо его воли и желания; такие состояния характеризуются неосознанностью, непроизвольностью, безотчетностью"[1]. Как кажется, именно эти состояния и безотчетные действия весьма красноречиво и рельефно обрисовывают фантастику русской волшебной сказки. Ведь герой сказки действует почти всегда по наитию, под влиянием обстоятельств или каких-то логически не объясняемых мотивов, часто даже вопреки здравому смыслу.

© Тищенко Н. В., 1996

[1] *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. (Цитируется по: *Тарланов З. К.* Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981. С. 36.)

Материалом для настоящей статьи послужили 50 волшебных сказок (по определению В. Я. Проппа), из которых методом сплошной выборки были извлечены 58 безличных глаголов, употребленных 141 раз (примерно 2,5 употребления на сказку)[2].

Какие же "лексические типы" безличных глаголов предпочитают сказочники?[3]

1. Глаголы, обозначающие ощущения от внешних явлений и психические переживания человека: *пахнет, привиделось, понравилось, надоело, хотелось, захотелось, наскучило, желается, вздумалось, думается, приснилось* и т. д. Всего: 18 глаголов, 50 употреблений, средняя частотность слова - примерно 2,8.

2. Глаголы, означающие стихийные явления и действия: *понесло по воздуху, разорвало, подхватило, разметало, бросило, выкинуло, осветило, сожгло, закрутило* и т. д. Всего: 13 глаголов, 28 употреблений, средняя частотность слова - примерно 2.

3. Глаголы бытия, существования, состояния: *было, не было, осталось, продолжалось, набралось, стало, не стало* и т. д. Всего: 10 глаголов, 22 употребления, средняя частотность слова - 2,2.

4. Глаголы, связанные с представлением о судьбе, роке: *случилось (довелось), посчастливилось, пришлось, удалось, досталось, привелось*. Всего: 6 глаголов, 21 употребление, средняя частотность слова - около 3.

5. Глаголы, обозначающие явления природы: *стемнело, рассвело, начало смеркаться*. Всего: 3 глагола, 10 употреблений, средняя частотность слова - около 3.

6. Глаголы, обозначающие внутренние ощущения и физиологические изменения в организме: *полегчало, коробило, тошнило, пересохло в горле, не можется* и т. д. Всего: 8 глаголов, 9 употреблений, средняя частотность слова - около 1.

Как уже вполне справедливо отмечалось[4], безличные глаголы в целом употребляются в сказке весьма редко, поскольку сказочный текст остросюжетен, представляет собой повествование, где превалирует последовательность, стремление к концу в отдельном эпизоде, функции (по В. Я. Проппу). Тем более кажется интересным проследить, в каких композиционных частях волшебной сказки, в каких функциях встречаются безличные глаголы. Если они распределяются равномерно по всем эпизодам, то можно будет считать их употребление случайным, зависящим от языковых пристрастий отдельных сказителей. Однако оказывается, что

---

[2] Сказки. Библиотека русского фольклора. М., 1988. Т. 1-2.

[3] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972. С. 370-372; *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.; Л., 1928. С. 401-426.

[4] *Тарланов З. К.* Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981. С. 36.

безличные глаголы связаны со строго определенным кругом функций, с определенным кругом персонажей. Конечно, степень закрепленности глагола за конкретным эпизодом, формулой, персонажем оказывается различной у разных семантических групп, но и тут просматриваются вполне отчетливые закономерности.

I. Как ни странно, но чаще других в волшебной сказке встречаются глаголы *ощущения от внешних явлений* и глаголы, означающие *психические переживания, состояния,* что свидетельствует об определенной психологичности сказки. Герои и персонажи сказки, конечно же, не рефлексируют, им не присущи продолжительные сложные переживания и тщательный самоанализ, анализ своих ощущений и состояний. Как правило, они испытывают желания, радость, горе, чувственно воспринимают мир как бы не по своей воле, остаются пассивными, но героев сказки нельзя назвать существами совершенно бездушными, совершенно лишенными внутреннего мира.

Своеобразие жанра волшебной сказки в ее фантастичности, условности, типичности. Поэтому чувства, желания героев и персонажей оказываются немотивированными, но типическими для определенных ситуаций.

Наиболее частотными по употреблению являются глаголы с ядерной семой "желать": *хочется, желается, вздумалось* (захотелось), *придумалось* (захотелось) - 17 употреблений. Эти глаголы встречаются в основном при оформлении 9-й функции (по В. Я. Проппу): "беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказом, отсылают или отпускают его"[5].

"Через год времени говорит он своей жене: «Любезная моя супружница, прекрасная королевна! *Желается* мне ехать вместе с тобой в свое государство»" (2, 209)[6]. "Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что им *не хотелось* расставаться, а делать нечего - попрощался Иван-царевич и отправился в путь-дорогу" (1, 425). "*Захотелось* Мартынке жениться, пристал он к матери, посылает ее свахою" (2, 46). "При дворе жила одна волшебница с дочерью, а этой волшебнице очень *захотелось* свою дочь отдать за царского сына" (1, 355). "Что ж, - говорит, - Иван-царевич! Тебе, стало быть, *желается* своих братьев выручить" (1, 378). "Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, *захотелось* ему на святую Русь" (1, 432).

Причем следует отметить, что безличные глаголы со значением желания чаще всего относятся к герою или антагонисту. Царь же

---

[5] *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.

[6] Сказки. Библиотека русского фольклора. М., 1982. Т. 1-2. (При цитировании сказок указываются том и страница.)

или другой персонаж, отдающий приказ герою, обычно прямо заявляют о своих желаниях, употребляя глаголы в личной форме: "*Хочу* я жениться на той девице-красавице. Отправляйся и доставь мне ее, а то не видать тебе белого света" (1, 243).

В приведенных выше примерах безличные глаголы со значением "желать" имеют одну из центральных функций в создании сказочного текста: они закрепляются за мотивом предсказания последующих действий персонажа или героя, как бы "подталкивают" развитие сюжета.

В иных случаях безличные глаголы со значением желания употребляются при описании фантастических эпизодов, вводят в текст формулы чудесных событий, волшебства. Как правило, эти глаголы обозначают потребность героя (персонажа) весьма и весьма прозаическую, но удовлетворяются эти житейские надобности очень необычно, по-сказочному: "Кума созвала своих дочерей, усадила их за стол - *захотелось ей поесть* - и говорит: «Двое из сумы!»" (2, 377). "Где река встречается, там мячик мостом перебросится, где стрельцу *отдохнуть захочется*, там мячик пуховой постелью раскинется" (1, 464). "Ах, что-то мне спать *хочется*", - проговорил царевич, лег и заснул крепким сном" (2, 9). (Потом герой спит трое суток.)

Думается, и в данных примерах безличные глаголы со значением желания тоже употребляются в первую очередь для конструирования текста волшебной сказки, являются одним из текстообразующих элементов.

В описываемую группу глаголов входят и такие, которые обозначают неспокойное, тревожное состояние героя или персонажа, обусловленное каким-то *желанием*, часто тайным и необъяснимым: "Ей уже *не пьется, не гуляется*: все на часы смотрит..." (1, 256). "Ей ночь *не спится*, спокою не дает забота, как бы опять поехать к портному" (2, 261). "Все повалились спать, а ему *не спится, не лежится*, подушечка в головах вертится, дума думается (1, 366). "А ей и *неймется*, как бы царицу извести..." (1, 368). Это неспокойное, неуравновешенное состояние затем переходит в активное действие, следовательно, и тут безличный глагол несет в себе импульс дальнейшего развития сюжета.

Если герою или персонажу волшебной сказки что-то понравится или, наоборот, надоест, приснится, привидится, покажется, то эти внутренние психические состояния героя, его переживания становятся затем условной причиной развития действия: "...мне давно *надоело* здесь, а ты, я вижу, - человек добрый, пойдем вместе" (1, 468). "Настает другой день; *полюбилось* Ивану в трактире сидеть, ждет, не дождется своих товарищей, чтоб туда идти"

(1, 470), - и дальше идет повествование о том, что ни к чему хорошему страсть Ивана не привела. "Володя говорит: «Пойдем, Гриша, погуляем по саду, что-то мне *наскучило*»" (1, 244), - затем описывается встреча с чудесным существом в саду. "И *приснилось* ей, что она выйдет замуж за дворянина" (1, 338).

II. Из безличных глаголов *восприятия* в нашем материале встретились только два - *пахнет* и *несет*. Они являются неотъемлемой частью формулы узнавания бабой-ягой или же змеем-антагонистом героя. В других контекстах эти глаголы не употребляются, а значит, можно говорить об их жесткой закрепленности за формулой узнавания. Интересно то, что нередко "русский запах" героя оказывается значимым для антагониста не только как знак врага, но и как гастрономически приятный: "...и говорит: «Фу, фу, русский дух пришел, русским духом *пахнет*. Хороший кусочек мяса пришел ко мне»" (1, 289). "Летела с Руси святая птица, уронила костку в трубу, из печи *пахнет*" (1, 407). Вот зашумело, загудело все кругом, и прилетел в горницу змей шестиглавый, хлопнулся: «Что-то у тебя тут русским духом *пахнет*! Кто был без меня?»" (1, 234). "Баба Яга поворотилась на другой бок: «Фу, фу, фу! Русским духом, - говорит, - *запахло*!»" (2, 300).

Обычно глагол *пахнет* употребляется в 12-й (герой испытывается, выспрашивается, подвергается нападению или подготовляется получение им волшебного средства, помощника) и в 15-й (герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предметов поиска) функциях.

III. На втором месте по частотности употребления стоит группа безличных глаголов, означающих *стихийные явления и действия*. Большинство из них - это глаголы каузированного движения: *несло, понесло, бросило* и т. д. Именно поэтому они относятся к 1-й функции (один из членов семьи отлучается из дому) и к 21-й (герой подвергается преследованию). И в том, и в другом случае мы имеем дело с фантастическим путешествием в "проницаемом" сказочном пространстве (Д. С. Лихачев) или же с чудесным мгновенным движением: "Тотчас *подхватило* стрельца буйным ветром и *понесло* по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась" (1, 467). "В ту же минуту *подхватило* её ветром и *унесло* в тридесятое царство, в мышье государство" (2, 49). "Только успела вымолвить, как зашумели-засвистали ветры, и в один миг *подхватило* солдата буйным ветром и *унесло* из глаз королевны" (2, 240). "Поднялся ветер, и его *бросило* в воду" (1, 435). "Емеля встал и пошёл с принцессою к тому месту, куда их *выкинуло*" (2, 41).

Такие глаголы, как *взорвало, разорвало, разметало, сожгло*, употребляются при описании наказания антагонистов за их злобу и коварство, как правило, в конце сказки или в конце хода сказки, если она состоит из нескольких ходов: "Как только дотронулись

до пороху, *разорвало* корабли и всех змей" (1, 296). "Те было прятаться, но куда ни бросятся - глаза за ними так и следят, а к утру совсем *сожгло* их в уголь, одной Василисы не *тронуло*" (1, 322).

Глаголы *осияло, осветило* всегда употребляются в волшебной сказке при описании "стихийного" волшебства. Чудо осмысливается как стихийное явление природы: "Вдруг церковь *осветило*, и влетела золотая утка, ударилась об пол, сделалась царицей и начала плакать о детях" (1, 357). "И вдруг на пшенице *осияло*: прибегает кобылица..." (2, 14).

Таким образом, безличные глаголы со значением стихийного действия всегда используются только при описании фантастических сказочных событий.

IV. Безличные глаголы со значением *явления природы* представлены в нашем материале очень скромно, в отличие от глаголов со значением стихийного действия. Вероятно, это связано с поэтикой сказки, которая предполагает описание природы только в связи с фантастическими событиями и не предполагает наличие "природного фона", слабо связанного с сюжетом. Поэтому глаголы *стемнело, смеркается* означают переход ко времени совершения чудес, как правило с оттенком опасности, а глаголы *рассветает, рассвело* означают переход к новому эпизоду, к началу нового действия: "Начало *смеркаться*, мелькнул за воротами чёрный всадник - и совсем *стемнело*, только светились глаза у черепов" (1, 320). "Ранёшенько проснулась Василиса, а Баба Яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник - и совсем *рассвело*" (1, 320).

V. Безличные глаголы бытия и состояния встречаются в волшебной сказке чаще всего в двух случаях.

Во-первых, в зачине, в 1-й функции, где сообщается о существовании, наличии или отсутствии необходимого для спокойной жизни героев: "За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них *не было*" (1, 429). "Выросли два Ивана, солдатские дети, и просят у матери: «Матушка, *не осталось ли* от нашего родителя каких денег?»" (1, 257).

И, во-вторых, в начале нового развернутого эпизода, часто связываются с идеей количества, числа, меры во времени: "Приезжает Иван в город - народу там *было* видимо-невидимо" (2, 83). "В царстве - звон страшный; народу по улице страсть *ходит*" (1, 301). "На то место *налетело* голубиц видимо-невидимо..." (1, 478). "Вот *нагорело* на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтобы поправить светильник, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку" (1, 318).

Итак, безличные глаголы бытия и состояния выполняют в волшебной сказке главным образом логическую текстообразующую

функцию, обозначают "положение дел", служат одним из средств создания временного континуума сказки.

VI. Безличные глаголы с обозначением рока, судьбы, необходимости, вынужденности в волшебной сказке, во-первых, связываются с зачином, в котором основные события сказки представляются как случайные, неожиданные и тем самым подчеркивается условность, фантастичность сказочного повествования: "Вот *досталось* ему однажды стоять на часах в галерном порте и, как нарочно, в самую полночь" (2, 449). "*Пришлось* ему ехать в чужие земли за товарищами, спрашивает он у дочерей: «Что вам привезти из-за моря?»" (1, 339). "Однажды купцу *не посчастливилось* в море: купец посадил корабль на мель, долго бился, но снять не мог" (1, 434). "*Случилось* ему в одно время пойти на охоту раным-ранёшенько, на самой заре" (1, 457). "Стал сын проситься: «Батюшка, благослови меня в путь-дорогу, авось мне *посчастливится* найти брата и матушку»" (1, 423).

Во-вторых, данные глаголы употребляются при описании мотива бросания жребия. И в этом случае подчеркивается кажущаяся случайность, неожиданность будущих действий, подчеркивается их нарочитая условность: "*Досталось* прежде нырять Ванюшке-дурачку" (2, 22). "Кинули жребий - *доставалось* первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую - Ивану, кухаркиному сыну, а третью - Ивану Быковичу" (1, 224). "И стали они рядиться, кому *достанется* прежде караулить, в поле нужно будет идти, там ночевать и всю тёмну ночь не спать" (2, 44).

В-третьих, эти глаголы используются при описании троекратного испытания героя или персонажа: "Ничего, батюшка, может, в другой раз *посчастливится* найти" (1, 342). "Так и быть, - сказала она, - может, в иное время *посчастливится*" (1, 338). "Дмитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему *удалось выдернуть* у жар-птицы из хвоста перо" (1, 499).

В-четвертых, небольшая часть употреблений данной группы глаголов (их всего 5) практически не поддается точному распределению по функциям и эпизодам: "Сколько ни бился Кощей, сколько ни мотался, а *пришлось* ему помереть" (1, 386). "*Пришлось* доброму молодцу голодать да по улицам скитаться" (1, 471). "Еле жив, - отвечает Мартынка, - совсем отощал без еды, *пришлось* помирать голодною смертью" (2, 50).

VII. Последняя из анализируемых - группа безличных глаголов со значением *внутреннего физического* или *физиологического состояния*. Она весьма малочисленна и в нашем текстовом материале тесно связана с двумя мотивами: со смертью Кащея и с описанием чудесных потрохов птиц, несущих золотые яйца. Закрепленность глаголов и описаний очень жесткая: "Просит

Кощей у Ивана-царевича: "Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил - совсем *в горле пересохло*" (1, 392). "А Иван-царевич потискал яичко: Кощея Бессмертного от того *коробило*" (1, 401). "И до того его *рвало*, что *вырвало* этот куриный потрох" (2, 171).

Таким образом, как мы и пытались показать, безличные глаголы, в соответствии со своей семантической характеристикой, за редким исключением, используются в русской народной волшебной сказке в строго определенных частях текста. Несмотря на довольно редкое их употребление, они выполняют весьма важные функции создания сказочной фантастики, создания временного континуума сказки, создания некоторых весьма характерных типических формул, играют существенную роль в образовании текста волшебной сказки как такового. Учитывая, что появление безличных глаголов в повествовательном тексте - явление редкое, можно считать их интенсивное использование в строго определенных эпизодах *стилистически маркированным*: таким способом противопоставляются личные, активные по своей семантике, глаголы конкретного действия и движения и "пассивные" безличные глаголы. Этим подчеркивается специфическая фантастика данного фольклорного жанра.